

УФИМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОМЪ ДУХОВНОМЪ
УЧИЛИЩѢ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП.

№ 4 1883 15 ФЕВРАЛЯ.

Г О Д Ъ П Я Т Ы Й.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ ГНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу угодно было призвать Насъ на Прародительскій
Всероссійскій Престоль и нераздѣльные съ Нимъ Пре-
столаы Царства Польскаго и Великаго Княжества Фин-
ляндскаго въ минуту страшнаго потрясенія. Посреди
тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объята
были вмѣстѣ съ Нами сердца вѣрныхъ нашихъ поддан-
ныхъ, неблагоприятно было назначать и устроить тор-
жество Коронаванія. Смирясь предъ неисповѣдимыми
судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, Мы поло-

жили въ сердцѣ Своемъ не приступать къ сему священному дѣйствию, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣянiемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель Своего народа, возлюбленный Нашъ Родитель.

Нынѣ настаетъ уже время сотворить волю Господню и совершить завѣтное желанiе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества. По примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ нашихъ, вознамѣрились Мы возложить на Себя Корону и воспрiять, по установленному чину, святое Мвропомазанiе, приобщивъ къ сему дѣйствию и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну.

Возвѣщая о такомъ намѣренiи Нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ соединиться съ нами въ горячей и смиренной молитвѣ: да соблюдетъ Господь Вседержитель насъ и Царство наше въ мирѣ и безопасности; да изліетъ на насъ Духа премудрости и разума; да поможетъ намъ, съ возложенiемъ Царскаго вѣнца приснопамятныхъ Предковъ, исполнить вѣрно принятый нами обѣтъ—всею Себя посвятить благоденствію и славѣ возлюбленнаго Отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа, Богомъ ввѣреннаго Нашему Правленію.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 24-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третьѣ, Царствованiя же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 17—31-го декабря 1882 года за № 275, о перечисленіи суммы на народныя школы изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія въ смѣту Св. Синода.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19-го ноября 1882 года за № 13354, о томъ, что государственный совѣтъ, въ департаментъ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, о перечисленіи суммы изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія въ смѣту Святѣйшаго Синода, *мнѣніемъ положила*: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того, предоставить Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, по сношеніи съ министромъ народнаго просвѣщенія, сдѣлать надлежащія распоряженія о перечисленіи, начиная съ 1883 года, 30,000 рублей, отпускавшихся по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на выдачу пособій церковно-приходскымъ школамъ и половинной части изъ 51,000 руб. т. е. 25,500 руб., отпускавшихся по той же смѣтѣ на поддержаніе училищъ, содержимыхъ духовенствомъ, земствомъ и обществами, всего *пятьдесятъ пять тысячъ пятьсотъ рублей*, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты вѣдомства Святѣйшаго Синода, особо статьею, подъ наименованіемъ: «на выдачу пособій и вознагражденій духовенству и разнымъ духовнымъ учрежденіямъ на устройство и содержаніе школъ для народнаго образованія», съ тѣмъ, чтобы назначеніе пособій и вознагражденій на счетъ означенныхъ суммъ было производимо по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, и что означенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше

утверждено 3 ноября 1882 года. Приказали: объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта напечатать въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ».

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Уфимская духовная консисторія слушала: циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 26 ноября 1882 года за № 13452, слѣдующаго содержания: опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 3/12 сего ноября, между прочимъ, постановлено: предложить епархіальнымъ преосвященнымъ рекомендовать приобрѣтеніе для бібліотекъ, если не всѣхъ, то болѣе состоятельныхъ церквей и духовныхъ лицъ каждой епархіи предпринятаго членомъ археографической комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія г-мъ Гильтебрандтомъ изданія: „Справочнаго и объяснительнаго словаря къ новому завѣту.“ Сообщая это такимъ постановленіи Святѣйшаго Синода Его Преосвященству для зависящихъ распоряженій, г. Оберъ-Прокуроръ присовокупляетъ, что все изданіе словаря будетъ состоять изъ 5-ти выпусковъ, изъ коихъ первый выпускъ уже напечатанъ и можетъ быть высланъ подписчикамъ, что подписная цѣна на всѣ пять книгъ словаря на обыкновенной бумагѣ 8 руб., а съ пересылкою 10 руб., на велевой 12 руб., съ пересылкою же 15 руб., и что подписка принимается у издателя Петра Андреевича Гильтебрандта въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской улицѣ домъ № 36. На семъ отношеніи послѣдовала революція Его Преосвященства слѣдующаго содержания: „1883 года января 4. Въ консисторію къ исполненію.“ Приказали: и Его Преосвященство утвердилъ: О содержаніи отношенія г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода дать знать чрезъ напеча-

таніе въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ всѣмъ благочиннымъ и причтамъ церквей уфимской епархіи.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 14 января 1883 года и утвержденному Его Преосвященствомъ 18 января, состоящей въ должности псаломщика діаконъ бирскаго собора Михайль Альбокриновъ переведенъ на штатную вакансію псаломщика къ богородицкой церкви села Акташа, мензелинскаго уѣзда, а состоящей на вакансіи псаломщика уфимской градской спасской церкви діаконъ Владимірь Малиновскій переведенъ на вакансію псаломщика при бирскомъ соборѣ.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 14 января 1883 года и утвержденному Его Преосвященствомъ 18 января, исправляющей должность псаломщика мензелинскаго собора Іоаннъ Базилевъ переведенъ на вакансію псаломщика къ уфимской градской спасской церкви.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 18 января 1883 года и утвержденному Его Преосвященствомъ 22 января, исправляющей должность псаломщика стерлитамаккаго уѣзда села Петровскаго Іаковъ Реченскій и состоящей на должности псаломщика діаконъ того же уѣзда Воскресенскаго завода Василиій Боголюбовъ переведены одинъ на мѣсто другаго.

Белебеевского уѣзда, покровской церкви села Никольскаго — Писарева священникъ Іоаннъ Петровъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 9 декабря 1882 года, награжденъ знакомъ церковнаго отличія — набедренникомъ, за усердіе къ отправленію сво-

ихъ пастырскихъ обязанностей и за заботливость о благоукрашеніи приходскаго храма.

—
Стерлитамакскаго собора священникъ Симеонъ Чамовъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 11 января 1883 года, награжденъ знакомъ церковнаго отличія—набедренникомъ за неутомимое проповѣданіе слова Божія.

—
По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 13 января 1883 года и Его Пресвященствомъ утвержденному,—приходскому обществу Миниарскаго завода, уфимскаго уѣзда, членамъ церковнаго попечительства и частнымъ лицамъ, участвовавшимъ въ пожертвованіи денегъ на устройство новаго иконостаса въ церковь Миниарскаго завода, объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

—
По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 13 января 1883 года и Его Пресвященствомъ утвержденному, объявлена благодарность епархіальнаго начальства бирскому мѣщанину Іакову Жинятину, употребившему на устройство новой церковной ограды въ селѣ Новоникольскомъ—Иванкинѣ, бирскаго уѣзда, изъ собственныхъ средствъ болѣе 400 рублей.

—
Церковный староста церкви села Бакаловъ, белебеевскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй Костроминъ, за его усердную и полезную службу, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 16 декабря 1882 г., утвержденному Его Пресвященствомъ, награжденъ похвальнымъ листомъ.

—
Вслѣдствіе приговора прихожанъ сельца Казанцева,

бирскаго уѣзда, крестьянинъ этого сельца Доримедонтъ Поварницынъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 14 декабря 1882 года, утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ церкви означеннаго сельца, на трехлѣтіе съ 1883 по 1886 годъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ села Енгальша, уфимскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ Тарасій Николаевъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 17 января 1883 года, утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ церкви села Енгальша на трехлѣтіе съ 1883 по 1886 годъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ села Накарякова, бирскаго уѣзда, при церкви этого села открыто церковно—приходское попечительство, въ составъ котораго избраны: предсѣдателемъ мѣстный священникъ Тимошей Никольскій и членами крестьяне села Накарякова: Василій Агаѣоновъ, Стефанъ Кочергинъ, Прохоръ и Антоній Братиловы, Филиппъ Королевъ, Симеонъ Маленкихъ, дер. Мало—Накаряковой: Адрианъ Кочергинъ, Флоръ Братиловъ, рядовой Софроній Бабиновъ, дер. Мало—Троицкой Іоаннъ Пастуховъ, Никита Неволинъ и Георгій Козаковъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ церкви села Елизаветина, белебевскаго уѣзда, въ составъ мѣстнаго ихъ церковно—приходскаго попечительства, на трехлѣтіе съ 1882 по 1885 г., ими избраны: предсѣдателемъ—мѣстный священникъ Іоаннъ Похваленскій и членами крестьяне села Елизаветина: Герасимъ Зайцевъ, дер. Александровки—Тимошей Іоновъ, Захарія Даниловъ, Иларіонъ Анапасьевъ, дер. Екатериновки—Іоаннъ Емельяновъ, Іоаннъ Филипповъ, дер. Анновки—Прохоръ Абрамовъ, Евсигній Кузьминъ, дер. Елан—Чишмы—Павель Артемьевъ,

Алексѣй Петровъ, дер. Ермолкиной—Иоаннъ Иоакимовъ,
 Θεодотъ Андреевъ и дер. Савкиной—Павель Алексеевъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ сельца Казанцева,
 бирскаго уѣзда, при церкви того сельца открыто цер-
 ковно—приходское попечительство, въ составъ котораго
 избраны: председателемъ крестьянинъ Уаръ Ершовъ и
 членами: Иоаннъ Оіонинъ и Кирилль Лихачевъ.

Благочинный II округа стерлитамакскаго уѣзда, свя-
 щенникъ Иоаннъ Зысковъ рапортомъ, отъ 23 декабря
 1882 года за № 564, донесъ уфимскому епархіальному
 начальству, что съ 19 на 20 декабря, около двухъ ча-
 совъ по полуночи, въ церкви села Новаго Куганака
 сдѣлана покража церковныхъ денегъ и вещей. По осмо-
 трѣ имъ, Зысковымъ, 23 декабря въ присутствіи прич-
 та, церковнаго и сельскаго старостъ и полицейскаго
 урядника, оказалось: сломанъ висячій замокъ у входной
 двери и таковой же замокъ сломанъ на двери главнаго
 храма. Затѣмъ воры разломали конторку старосты, гдѣ
 были свѣчи и деньги въ количествѣ 18 руб. 86 коп.,
 которыя и похищены; сломанъ висячій замокъ у сун-
 дукѣ, изъ котораго украдены 15 арш. шерстяной мате-
 ріи цѣною въ 6 руб. и шелковый платокъ цѣною въ 2
 руб. Изъ алтаря украденъ ковшичекъ накладнаго сере-
 бра въ 70 коп., на престолѣ отодвинуто въ сторону
 евангеліе; остальное въ церкви все въ порядкѣ. Объ
 этомъ происшествіи, согласно постановленію уфимской
 духовной консисторіи, состоявшемуся 11 января 1883
 года, утвержденному Его Преосвященствомъ, объявляется
 въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день памяти святыхъ тріехъ святителей и поминовенія (по случаю столѣтняго юбилея) въ Бозѣ почившаго святителя московскаго Филарета, 30-го января 1883 года,

Преосвященнаго Ниѳанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

И скончавъ все искушеніе диаволъ отъиде отъ Него до времени. И возвратися Иисусъ въ силу духовный въ Галилею: и вѣсть изыде по всей странѣ о Немъ. И той учаше на синагогахъ ихъ, славимъ всѣми. Лук. 4, 13—15.

По случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почившаго великаго святителя московскаго Филарета, заблаговременно подготовляемое поминовеніе его въ престольныхъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ совершено въ девятый день сего мѣсяца, о чемъ мы, въ нашей далекой окраинѣ, узнали, конечно, уже нѣсколько дней спустя послѣ событія. Почему и перенесли наше молитвенное поминовеніе приснопамятнаго святителя на сей день святыхъ тріехъ святителей, великихъ архіереевъ, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Перенесли не безъ тайной благоговѣйной мысли соединить молитвенное поминовеніе нашего недавно въ Бозѣ почившаго великаго учителя и святителя съ прославленіемъ памяти богопрославленнымъ тріехъ учителей и святителей вселенскихъ, чтобъ усилить нашу о немъ грѣшную молитву многомогънимъ ихъ представительствомъ о причтеніи его къ богопрославленному лику

ихъ, и воздать ему достойное его досточестной памяти самымъ этимъ сближеніемъ.

Да. *Память праведнаго съ похвалами.* Хвалить его и позволительно и благопотребно. Многіе сказали и написали о немъ многое. Но и мы принесемъ ему нашу дань благоговѣнія, своему собственному сердцу въ услуду, своей и вашимъ душамъ во спасеніе. Пусть и онъ скажетъ за насъ слово предъ милосердіемъ небеснымъ, какъ мы теперь говоримъ слово о немъ предъ почтительнымъ вниманіемъ нашей мѣстной церкви, а въ совокупности съ другими и предъ памятью потомства.

Святитель Филаретъ представляетъ собою такое гигантское нравственное явленіе, что мы можемъ смотрѣть на этотъ колоссъ и говорить о немъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но все же безъ надежды снять и запечатлѣть въ нашемъ сознаніи всѣ его черты. *Никтоже вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ челоѣка, живущій въ немъ.* Конечно, онъ самъ, въ своихъ изданныхъ, издаваемыхъ и пока еще ожидающихъ изданія твореніяхъ говорить о себѣ безмѣрно лучше насъ. Тѣмъ не менѣе на насъ современникахъ, видѣвшихъ славу дивной жизни его и праведной кончины, лежитъ долгъ отмѣтить хотя крупнѣйшія черты, какими отразился этотъ истинно великій и челоѣкъ и святитель въ сознаніи современниковъ, въ нашей собственной памяти; иначе эти черты стороннихъ о немъ современныхъ свидѣтельствъ потерялись бы для памяти потомства безвозвратно.

Въ необычайно быстромъ восшествіи святителя Филарета, по степенямъ іерархической лѣстницы, съ одной высокой, на высшую и вышую степень, и наконецъ на самую вершину іерархическаго достоинства, тупая близорукость готова видѣть не болѣе, какъ рѣдкую въ жизни удачу. Конечно, ошибаясь сама, она силится ввести въ грубую ошибку и всѣхъ. Истина же заключаетъ

ся въ томъ, что это необычайно быстрое возвышеніе было не случайнымъ даромъ счастья, а воздаяніемъ высокой заслуги; было плодомъ обще—признаннаго высокоцѣннаго, сколько напряженнаго столько жъ и благопотребнаго умственнаго подвига; было движеніемъ чувства и предчувствія сердца царева, движимаго рукою Божіею, какъ и царевыхъ сотрудниковъ, которые направляли тогда судьбу церкви Божіею, сами направляясь Божіимъ провидѣніемъ; было предрѣшеніемъ Промысла, который въ сравнительно молодомъ митрополитѣ Филаретѣ, какъ нѣкогда въ сравнительно юномъ апостолѣ Павлѣ, уготовалъ себѣ и предуказалъ людямъ орудіе избранное. А если мы въ святителѣ Филаретѣ должны видѣть избранника Божія; если св. апостоль Павелъ внушаетъ и всѣмъ христіанамъ, а не только особымъ избранникамъ Промысла, быть подражателями Богу, подражателями Христу (Еф. 5, 1; 1 Кор. 11, 1); если, по неложному обѣтованію самаго Христа Спасителя, истинно *върующій въ Него, дѣла, яже Онъ самъ творилъ, и той сотворитъ, и даже больша сихъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12): то все это уполномочиваетъ насъ на дерзновеніе примѣрить высоту жизненнаго подвига святителя Филарета къ высшей мѣрѣ нравственной чистоты, какую указалъ самъ Христосъ, своимъ собственнымъ примѣромъ на горѣ искушенія.

Тонкими мыслителями психологами замѣчено, что если бы мы не имѣли никакихъ другихъ доказательствъ исторической достовѣрности и богодухновенности евангелія, никакихъ другихъ доказательствъ божественности Господа Іисуса Христа, то для возвышенной мысли и чистаго испытаннаго сердца было бы достаточно и тѣхъ немногихъ, но глубокихъ доказательствъ этой истины, какія представляетъ одна евангельская исторія искушенія Христа отъ діавола предъ исшествіемъ на проповѣдь

евангелія. По слову апостола (Гал. 1, 14), *кїйждо, каждыи челоувѣкъ, искушается отъ своя похотѣ, влекомъ и прельщаемъ; также похотѣ зачении раждаетъ грѣхъ* и повергаетъ грѣшника, какъ раба, къ подножію ногъ діавола искушителя. А эта похотѣ, искушающая каждаго челоувѣка, въ своемъ развѣтвленіи, тройственна: это—*похотѣ плоти, похотѣ очесъ и гордость житейская*. Вотъ уже и эти черты нравственнаго восхожденія и ниспаденія челоувѣка были неявиственны въ сознаніи до—христіанскаго язычества. Онѣ разъяснены только христіанствомъ. Но въ приложеніи къ Іисусу Христу, къ евангельской исторіи Его искушенія на горѣ соблазна, онѣ являютъя возвышенными до божественности; онѣ тамъ дивны до чудесности, до неслыханности, до невозможности, до немыслимости ничего подобнаго въ языческомъ сознаніи, въ языческой нравственной практикѣ. Такъ для искушенія Христа діаволь выдвигаетъ, какъ свое искони извѣданное орудіе, ту же тройственную похотѣ: похотѣ плоти, похотѣ очесъ и гордость житейскую. Но въ какой несравнимой возвышенности, въ какой утонченности, въ какой сатанинской изощренности?! Спрашивается, какую похотию плоти искушалъ онъ даже лучшихъ язычниковъ, даже Сенеку, даже стоиковъ? Самою дебелию, иногда даже самою позорною, самою скотскою, да и той ниже. Какою похотию очесъ искушалъ онъ даже Сократа, даже Діогена? Также самою дебелию, похотию хотя и изящества, но изящества чувственно пластическаго, поклоненіемъ разнообразной чувственной красотѣ; а далѣе чувственно—страстнымъ влеченіемъ, завистью и ревностью, ненасытною жадностью къ стяжанію, жадно завистливымъ окомъ на весь міръ, а по меньшей мѣрѣ, презрительнымъ самоотрицаніемъ яко бы отъ всѣхъ благъ міра, но съ тѣмъ, чтобъ самъ Александръ Македонскій посторонился предъ

нашимъ презорствомъ и не смѣлъ отнять у насъ нашу собственность, которую мы сами признали своею неотъемлемою принадлежностію: лучъ солнца, нашу бочку, чистую воду и званье на насъ, готовой ко всякимъ услугамъ толпы по нашему мановенію. Какою гордынею діаволь искушалъ естественнаго человѣка язычника? Также самою низменною, часто мелочною и забавною, а нерѣдко и чудовищною гордынею Навуходоносора и Ксеркса, казнившаго море, даже Александра Македонскаго или Калигулы, думавшихъ быть богами; искушалъ вообще всяческою жаждою человѣческой славы, преклоненія толпы, превозношенія надъ другими.

Но съ такими грубыми орудіями соблазна діаволу приступить къ Іисусу Христу,—гдѣ же?! Это чудовищно даже представить! И вотъ уже въ одной этой чертѣ очевидна та небесная высота, на какую Христово евангеліе поставило совѣсть человѣческую. Діаволь искушитель былъ слишкомъ дальновиденъ, слишкомъ опытенъ, чтобы соблазнять и здѣсь низменною похотію плоти. Онъ видѣлъ, что Іисусъ Христосъ всеконечно отрѣваетъ ее вотъ уже 30 лѣтъ. Соблазнять ли похотію очесъ? Жаждою мелкой корысти? Но діаволь видѣлъ, что Господь отвергалъ для себя даже всякую, самую скудную собственность. Соблазнять ли наконецъ мелочною грубою гордынею? Но очевидно, что Іисусъ Христосъ, сокровище мудрости и всякихъ совершенствъ, скрывалъ себя въ безмѣрно скромной долѣ плотникова сына. Тѣмъ не менѣе самъ діаволь ничего иного не могъ изобрѣсти и здѣсь, ничего иного употребить орудіемъ своего отчаяннаго нападенія, какъ ту же тройственную похоть. За здѣсь онъ взялъ ее въ самой высокой мѣрѣ, въ самой изощренной тонкости. Ему памятно было, что и самъ онъ, нѣкогда чистый духъ, споткнулся на утонченной похоти гордыни. Со времени искушенія Христа въ пустынѣ Іорданской стало извѣстно, что и самые высокіе

подвижники, если спотыкаются, то опять же на гордынь: гордыня—самая тонкая одухотворенная похоть; гордыня—самая послѣдняя опасность на скользкомъ переходѣ къ совершенной святости. Потому то искустель и здѣсь, въ искушеніи Христа, прибѣгъ къ гордынь. Къ каждой похоти здѣсь приурочиваетъ онъ именно гордыню. Да и самую гордыню, проводя по лѣтницѣ тройственной похоти, онъ утончаетъ и изощряетъ до послѣдней возможной степени. Онъ видѣлъ, что Христосъ безгрѣшенъ, праведенъ и святъ; предвидѣлъ, что Онъ выступитъ на проповѣдь, для привлеченія себѣ послѣдователей; предугадывалъ, хотя и не зналъ, что Онъ единородный Сынъ Божій. Всѣ эти свѣдѣнія онъ пускаетъ въ дѣло и вотъ приступаетъ къ самой попыткѣ соблазна. Первую похоть, похоть плоти, выставляетъ онъ въ совершенно безгрѣшной формѣ, въ формѣ желанія подкрѣпить отошталое отъ поста тѣло пищею. Но къ этому присоединяетъ исключительную неслыханную форму и гордыни: «Ты алчешь. Видишь вотъ эти камни. Аще сынъ еси Божій,—чего Тебѣ стоить?—рцы, да каменіе сіе хлѣбами будутъ, и самъ сытъ будешь, и другихъ насытишь. Видишь эти исполинскія горы,—рцы, да превратятся онѣ въ хлѣбы. И посмотри, какъ за Тобою двинутся толпы голоднаго человѣчества. Это будетъ привлекательнѣе твоей проповѣди». Но на этотъ искустельный помысль отвѣтствуетъ помысль богочеловѣческой: *не о хлѣбъ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*. Похоть очесъ искустель выдвигаетъ хотя и не въ безгрѣшной, но зато въ гигантской, въ подавляюще—увлекательной формѣ: въ формѣ гордыни, стремящейся видѣть весь міръ, если и не въ рукахъ своихъ, то у ногъ своихъ: «хочешь проповѣдью о Богѣ покорять себѣ весь міръ. Вотъ весь міръ предъ очами твоими во мгновеніи ока. Все—будетъ твое, ко-

нечно, съ условіемъ, аще падъ поклонишися мнѣ. Я не всемогущъ, но весьма могучъ. Всѣ въ мірѣ—мои угодники. Угодишь мнѣ, всѣ будутъ угождать Тебѣ. Сдѣлай мнѣ угожденіе малое, а далѣе и падши поклонишься». По помыслу соблазна снова противопоставляется помысль богочеловѣческой: *Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши*. Оказывалось въ искушаемомъ воздержаніе совсѣмъ почти безплотное, нестяжательность, нелюбовь къ міру и любовь къ Богу чисто ангельскія. Наконецъ послѣднее средство! Испустить тончайшею духовною гордынею—сознаніемъ своей заслуги предъ Богомъ, своихъ правъ за нашу службу Богу на служеніе силъ небесныхъ и самаго Бога нашей праведности. И вотъ искусительный помысль внушаетъ: *«аще сынъ еси Божій, верзися отсюду—съ крыла церковнаго—долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя; и на рукахъ возмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. А слѣдствіе будетъ тоже—удивленныя толпы пойдутъ за Тобою, какъ за богохранимымъ праведникомъ»*. Но помыслу искусительному данъ конечный отпоръ помысломъ богочеловѣческимъ: *не искусиши Господа Бога твоего. И скончавъ все искушеніе, діаволъ отыде отъ Него. И возвратися Іисусъ въ силу духовный въ Галилею*.

Въ языческомъ мірѣ, вообще внѣ христіанства такая нравственная высота чистѣйшаго духовнаго искушенія и всецѣлаго отпора ему была не только неслыханна, невиданна, но и немислима. А въ христіанствѣ, со времени искушенія Христа на горѣ соблазна, мы видимъ цѣлый рядъ подобныхъ духовныхъ опытовъ. Ими исполнены житія нашихъ святыхъ. При величайшихъ подвигахъ умерщвленія плоти, отреченія отъ міра и всякой прелести его и всея гордыни его, на пути восхожденія къ святости небесной лежала еще длинная лѣстница соблазновъ ду-

шевныхъ, соблазновъ въ искусительныхъ помыслахъ привлекать міръ къ ногамъ своимъ самою крайностью подвига и самоотреченія, лѣстница соблазновъ въ чувствѣ самоуслажденія собственною святостью, въ помыслѣ видѣть свѣтъ еаворскій въ брennomъ тѣлѣ, мнить возноситься съ тѣломъ на небо на огненной колесницѣ, быть носиму на крылахъ духовъ безплотныхъ, и свѣтлыхъ и нечистыхъ, что все бывало и въ дѣйствительности, но бывало и въ бѣсовскомъ наважденіи, въ сатанинскомъ искусительномъ помыслѣ, который святые Божіи отрѣвали отъ себя знаменіемъ креста и памятью искушенія самаго Христа на горѣ соблазна.

Сію то вотъ мѣру нравственнаго восхожденія дерзаемъ приложить и къ святителю Филарету, какъ высокому избраннику Божію, какъ истинному ревнителю истинной святости. Эту лѣстницу искушеній прошелъ и онъ въ своей дивной жизни, и прошелъ по самымъ высокимъ ступенямъ.

Въ отношеніи къ нему даже неудобно называть низкія дѣла плотскія, *яже суть*,—по апостолу Павлу,— *нечистота* всякаго вида, *рвенія, разженія, соблазны, ꙗнства, безчинны кличи и подобная симъ* (Гал. 5, 19—21). А сколько нашей братіи сваливается даже на этихъ низшихъ ступеняхъ соблазновъ прямо въ бездну погибели и позора! Взыскавъ Господа отъ юности своей и возложивъ на себя яремъ монашества въ молодости, онъ не озирался вспять на оставленную красоту міра сего, по подобію жены Лотовой, по слову апостола: *никтоже, взявшись за рало и зря вспять управленъ есть въ царствіе Божіе*. Онъ являетъ намъ достоподражаемый примѣръ во всемъ. Такъ вотъ укоряють ученыхъ монаховъ за то, что они берутъ на себя монашеское иго по необдуманности, по увлеченію, по внушенію и настоянію другихъ. Но вотъ святитель Филаретъ

три года испытываетъ себя, предъ принятіемъ иночества. За то и взявъ на себя иго Христово, несетъ его, какъ добрый воинъ Христовъ, всегда имѣя предъ собою цѣль горняго призванія. Въ самомъ отрочествѣ и юности, которыя теперь освѣщены предъ нами его письмами, уже предъявленъ въ немъ приготовляющійся избранникъ Божій. Такъ онъ въ каждомъ словѣ и дѣлѣ, въ мысли и чувствѣ сдержанъ, осмотрителенъ, разуменъ, властенъ надъ собою, господинъ самого себя и своихъ порывовъ. Говорять: искусственъ, неестественъ. Да. *Царствіе Божіе нудится*, и только тотъ, кто нудитъ себя, пріобрѣтаетъ его. А кто себя не нудитъ подъ иго Христово, кто плыветъ по теченію склонностей природы и мірскаго духа, тотъ вырабатываетъ въ себѣ, да, разумѣется, естественнаго человѣка, но низменаго, но грѣшнаго и ветхаго человѣка. Кто съ міромъ идетъ по утопанной гладкой и широкой дорогѣ, тотъ попадаетъ въ пагубу, тотъ скатывается въ бездну нравственной приземистости, а за тѣмъ въ бездну и пагубы вслѣдъ за многими. Но Филаретъ нудилъ себя, побивалъ въ себѣ естественныя, плотскія склонности съ дѣтства и юности. За то въ мужествѣ онъ воспиталъ въ себѣ ту мужескую твердость, которая поработила въ немъ разуму всѣ плотскія страсти и наградила его сдержанностью рѣдко дающимся вѣнцомъ и подвига и осмотрительности,—незаворностью даже окружавшей его молвы, молвы о чистотѣ въ немъ не только поступковъ, но и словъ, и взглядовъ, и помысловъ, и всѣхъ отношеній его къ престелямъ міра сего. Онъ держалъ въ узлѣ не только низшія, но и высшія безгрѣшныя свои плотскія склонности, каковы даже позывы поддержанія себя пищею и питіемъ. Всѣмъ извѣстна его рѣдкая воздержность, которая во плоти являла его чуть небезплотнымъ, которая и наружности его, особенно подъ старость, придала типич-

ный образъ постника, подвижника и праведника, — типичный образъ, какой мы привыкли видѣть на иконахъ. А съ другой стороны его примѣрная разумно — осмотрительная мѣрность во всемъ оберегла его и отъ крайности аскетизма, которая неосмотрительныхъ или порывистыхъ часто безвременно разстроиваетъ до непоправимости и даже убиваетъ, убиваетъ здоровье не только тѣла, но и души, да и самую жизнь. Его же воздержность не помѣшала, а наоборотъ помогла ему сохранить, при видимой тѣлесной немощи, непреступную безболѣзненность до глубокой, чуть не 90 — лѣтней старости. По виду X его казалось, какъ тутъ въ этомъ изможденномъ тѣлѣ держится духъ; но этотъ великомощный духъ, въ этомъ одухотворенномъ, здоровомъ, правильно живущемъ тѣлѣ, выносилъ громаду труда, труда всяческаго, особенно же труда умственного, который въ свою очередь неосмотрительныхъ, неумѣренныхъ умственныхъ тружениковъ не только подавляетъ, не только разстраиваетъ и ослабляетъ, но опять же и убиваетъ. А Филарета его умственный трудъ, который другими всецѣло никогда и не будетъ исчерпанъ, трудъ писанія, трудъ изученія, трудъ размышленія о предметахъ самыхъ возвышенныхъ, тонкихъ и запутанныхъ, трудъ молитвы, собесѣдованія съ Богомъ, трудъ вопрошенія исторіи и грядущихъ судьбъ міра, — этотъ трудъ питалъ и укрѣплялъ его, такъ что даже у гробовой доски этотъ созрѣвшій для неба старецъ еще поражалъ и крѣпостью, и свѣтлостью, и глубиною мысли крѣпкого ратоборца мысли. Примѣръ для насъ во всемъ, онъ явилъ въ себѣ образецъ для всѣхъ насъ и въ питаніи другихъ. Сердца и помыслы другихъ привлекалъ онъ пищею духовною, которую обильно предлагалъ и въ писаніяхъ своихъ и въ словѣ, дома и въ церкви, въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ и въ общественныхъ собраніяхъ, но не обиль-

ными трапезами, хотя имѣлъ къ тому и обильные способы. Извѣстно, что когда онъ дѣлалъ какому либо достоинству исключительно высокую честь и посидѣть у него за столомъ, то питая своею высокою бесѣдою предлагалъ обычно для скуднаго питанія тѣла свою крайне умѣренную трапезу. Впрочемъ, соблюдая святоотеческіе обычаи, въ великія христіанскія торжества, онъ любилъ предлагать братіи и велие утѣшеніе, самъ впрочемъ и здѣсь насыщая скорѣе свое сердце, чѣмъ чрево, больше удовольствіемъ видѣть праздничное веселіе братіи, чѣмъ собственное увеселеніе яствами и питіями. А когда онъ изволилъ посѣщать дома и трапезы другихъ, то являлъ въ себѣ совершеннѣйшее, какое мы на своемъ вѣку видѣли и знаемъ въ прошедшемъ, отращеніе Христа, посѣщающаго трапезы то мниваго себя знатнымъ Симона Фарисея, то Закхея мытаря, то Марѣи и Маріи и друга своего Лазаря, какъ и другихъ подобныхъ. По мѣрѣ удобства удовлетворить высшимъ требованіямъ сана, онъ не отказывался отъ приглашеній доброхотовъ, звавшихъ его къ себѣ, неся съ собою всюду утѣшеніе и назиданіе, благословеніе и молитву на домъ, пока немощь плоти не измѣнила; но конечно, былъ слишкомъ далекъ отъ неблагословнаго привитанія у другихъ, отъ развлеченія, отъ само-разсѣянія. Филареть и разсѣяніе эти два понятія и не свяжешь. Никто въ наши дни лучше его не отразилъ въ себѣ Христа, который и гостепріимной заботливой Марѣи сказала: *Марѣе, Марѣе! не чиниши о мнози... Едино же есть на потребу...* Его гостепріимныя приемы у себя и выѣзды къ другимъ носили на себѣ одну печать, имѣли одну господственную цѣль—*соутѣшитися* не столько общими трапезами, сколько *общемоу върою*. Да, какъ Господь предъ страданіемъ сказалъ о себѣ: *грядеть сего міра князь, но во Мнѣ не имать ничесоже,*— такъ и свититель Филареть, подъ конецъ своего вѣка,

могъ въ нѣкоторой степени сказать о себѣ: и къ моей немощной плоти приступалъ князь міра сего, но своего нашель въ ней немного.

Вторая похоть очесъ, въ срединѣ его возраста и возрастанія въ славу, какъ извѣстно, сдѣлала было къ нему сильное прираженіе, но и та не низшею, а вышею духовнѣйшею своею стороною, не та похоть очесъ, которая состоитъ въ сочувствіи чувственно—пластическимъ красотамъ и прелестямъ міра сего; не та похоть очесъ, которая состоитъ въ грубой жадности къ собиранію благъ и сокровищъ міра сего, въ грубомъ корыстолюбіи; но похоть очесъ, переходящая въ высшую духовную гордыню, похоть, заключающаяся въ желаніи видѣть весь міръ у ногъ своихъ, похоть самаго высокаго и широкаго властолюбія. Но и здѣсь мы видимъ въ немъ духовнаго ратоборца высшаго порядка, ратоборца, котораго самъ Богъ своими путями ведетъ къ высшему духовному совершенству. Подобно Христу на горѣ искушенія, и онъ, стоя на горѣ высокой, видѣлъ въ часъ времени вся царствія вселенныя. И ему искусительный помысль подсказывалъ: «тебѣ дамъ если не вся царствія міра сего, если и не всю сію власть, то все же весьма высокую власть и славу въ нихъ. Ты убо аще поклонишися предо мною, предъ духомъ міра, будутъ тебѣ вся. Только преклонись, только угоди, только измѣни хотя немного своимъ высшимъ убѣжденіямъ и началамъ своего горняго призванія». Но онъ остался непреклоненъ и веденъ бысть Духомъ Божіимъ въ свой древле-престольный градъ искать другой высшей духовнѣйшей власти, власти надъ душами, умами и сердцами, искать другой высшей духовнѣйшей славы, каковую и улучилъ, которую воздавали ему архіереи, всѣ безъ исключенія, и вельможи, часто припадая къ нему до праха земнаго; которую воздавали князья и да-

же цари, свои русскіе и даже чужестранные иновѣрныя. Иныя высокопоставленныя особы принимали и святительское благословеніе его не иначе, какъ колѣно-преклоненныя, или даже преклоненныя долу! Укоряють, что онъ и любилъ земныя поклоненія изъ гордыни? Нѣтъ, терпѣлъ, попускалъ, да можно сказать, даже любилъ ихъ, но изъ противоположнаго чувства, изъ чувства деликатности (какъ сказать преклонившемуся боярину: подымись?), изъ трогательнаго сочувствія чувству умиленія, изъ охранительнаго чувства преданности старымъ святымъ обычаямъ. А то вотъ посмотрите, куда мы заходимъ съ новыми вѣяньями и въ этомъ? Благолѣпно ли, когда иной юный церковникъ дѣлаетъ честь архіерею, только слегка потряхивая кудрями своихъ волосъ или едва прикасаясь къ воскрылію головного покроя? Говорили и говорятъ новые учителя—одни, что онъ былъ челоѡко-угодникъ, до измѣны своему призванію, какъ и вся русская православная іерархія будто бы такъ обмірщилась, что совсѣмъ будто бы измѣнила своему высшему призванію служенія правдѣ, малодушно положивъ печать на уста свои, при видѣ всяческихъ неправдъ міра сего. Но мы приглашаемъ этихъ самозванныхъ учителей обличителей церкви подумать о томъ, почему это самъ Господь Иисусъ Христосъ и ближайшіе ученики Его, святые апостолы, не порывались въ палаты сильныхъ міра сего, вельможъ и правителей, начиная съ Понтія Пилата, обличать ихъ за ошибки ихъ управленія, какъ и за немощи ихъ личнаго поведенія? Мы знаемъ, что св. апостоль Павелъ проникалъ до двора Кесарева, но только съ словомъ евангельской проповѣди, а не обличенія. А сколько тогда было въ мірѣ политическихъ, да и всяческихъ неправдъ?! А было ль это въ богопроповѣдникахъ малодушіе, или наоборотъ исполненіе высшаго долга служенія божественной истинѣ до

уреченнаго для каждаго изъ нихъ времени?... Другіе же самозванцы обличители укоряють святителя Филарета въ томъ, что онъ и самъ не оказывалъ инициативы и туго подавался на желательныя въ церкви реформы. Но высшему іерарху церкви, растущему на богонасажденномъ древѣ церкви и пускающему отъ себя новыя побѣги, рваться къ реформамъ въ церкви не значило ли отрываться отъ ея корня? А тѣ реформы, которымъ не сочувствовалъ святитель прозорливецъ, принесутъ ли пользу обществу? А церкви Божіей явно пользы не принесли. Укоряли его въ надменіи къ низшимъ и даже жестокосердіи. Но чувство глубочайшаго благоговѣнія къ нему всѣхъ подвѣдомыхъ ему, начиная съ высшихъ, къ которымъ онъ являлъ видъ иногда якобы надменной суровости, говорить о противномъ. Конечно, довѣренный ему небеснымъ Пастыреначальникомъ судъ надъ домомъ Божіимъ онъ не хотѣлъ ослабить, не желая явить въ себѣ приставника лѣниваго и невѣрнаго. Изреченный имъ тому или другому лицу судъ не рѣдко бывалъ судомъ не жестокосердаго, а прозорливца, и слово его, примѣрно такое сжатое: «я выкинулъ тебя изъ моего сердца», или: «я дожиль до несчастья видѣть того то и въ немъ то то», это сжатое слово оказывалось иногда приговоромъ заклинающаго пророка Елисея, приговоромъ смертнымъ, или хуже и того. Третьи лсткомысленные обличители думали по смерти его найти у него громадныя богатства. И ошиблись. Десница его раздала при жизни все его достояніе, такъ что не увѣдала и шуйца; такъ что не доглядѣло сего и подзирающее око ихъ самихъ, всевидящихъ обличителей, проникающихъ даже въ чужіе помыслы, даже въ небывалыя движенія сердца. И *солга неправдадъ себѣ*; а правда возсіяла, яко солнце. Такъ неустанно принуждая себя нести иго Христово, неустанно борясь съ собою, неустанно внимая себѣ и

вѣренному ему отъ Бога духовному стаду, неустанно упражняясь въ бодрственномъ богомыслии и въ возвышающихъ трудахъ своего высокаго званія, онъ къ старости лѣтъ поборолъ въ себѣ всякіе страстные порывы, какъ несомнѣнно поборолъ въ себѣ всеконечно гнѣвливые порывы своего пылкаго отъ природы темперамента, и неззорностію дѣяній и помысловъ достигъ такой нравственной высоты, такой духовной силы, что обнаружилъ въ себѣ даръ и прозорливости и чудотворенія. При жизни его всѣ мы слышали объ этомъ; а по смерти узнали навѣрное отъ люлей, достойныхъ всякой вѣры, которые и видѣли и испытали это на себѣ. Конечно, онъ не поддался и тому искушенію, чтобъ самому трубить объ этой своей слишкомъ необычной славѣ. Не знаемъ, нашептывалъ ли ему искусительный помысль движенія вышей духовной гордыни: *верзися отсюда съ крыла церковнаго долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ: и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою?* Навѣрное не знаемъ, но видимъ, что онъ поборолъ въ себѣ и этотъ искусительный помысль, какъ и другіе. Видимъ, что онъ терпѣливо перенесъ тяжкія обстоятельства жизни, когда помысль естественно могъ подсказывать ему: «верзися съ высоты церковной долу; другіе тебя не понимаютъ, не цѣнятъ, отрѣвуютъ»; — когда въ глубокую старость его немощь плоти подсказывала мощному духу его: *кто дастъ мнѣ крыль, яко голубинь, да полечу и почию, бѣгая въ пустыню*, чтобы водвориться тамъ въ ожиданіи мирныхъ кончины живота. Нѣтъ, мы видимъ, онъ не поддался и этому искушенію, оставшись нести бремя высокаго служенія до послѣдняго издыханія. Видимъ даже, что онъ, съ самою заботливою осмотрительностію, приспособлялся къ обстоятельствамъ, оберегая себя и своихъ отъ всякихъ враждебныхъ столкновений; въ чемъ нещадные

обличители готовы видѣть даже малодушіе. Близорукіе! Отчего бы имъ не увидѣть здѣсь исполненіе заповѣди Христовой: *будите цѣли, яко голуби, и мудри, яко зми;* яще гонятъ вы во градъ, бѣгайте въ другій, какъ святые апостолы и дѣйствительно бѣгали и избѣгали безвременныхъ напастей, *не высокоумрствующе, но смиренными ведущесе?*

Такимъ то образомъ, неустанно бодрствуя надъ самимъ собою, восходя отъ силы въ силу, онъ явилъ въ себѣ истинно великаго богоданнаго благовѣстника, пастыря и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло священнаго служенія, для созиданія тѣла Христова, достигши самъ въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова, особенно же къ старости. Въ продолженіи болѣе чѣмъ полувѣковаго служенія церкви въ высшихъ іерархическихъ степеняхъ, онъ всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасеть. Къ нему притекали вѣрные, мало-вѣрные и невѣрные со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ другихъ странъ, всякій за своего нуждою: кто только взглянуть на его честной ликъ, кто только припасть къ его святительскимъ стопамъ, кто получить благословеніе, кто видѣть его священнодѣйствіе, кто послушать его бесѣду въ церкви, кто за тайнымъ духовнымъ назиданіемъ, кто даже за исцѣленіемъ и души и тѣла, кто за разрѣшеніемъ недоумѣнія, кто за совѣтомъ во всяческихъ дѣлахъ и церковныхъ и государственныхъ и ученыхъ, и всё, сколько мы знали, выходили отъ него не только удовлетворенные по мѣрѣ разнovidныхъ своихъ ожиданій и пріемлемости, но и пораженные, и восхищенные, и просвѣтленные. Такъ и наше смиреніе имѣло истинно высокое счастье не только видѣть его въ священнодѣйствіи, не только принять его святое благословеніе не разъ и не два, но и насладиться его трехчасовою истинно просвѣтительною бесѣдою лицомъ къ лицу, съ глазу на глазъ. Мудрецъ, мыслитель, государственный человѣкъ,

святитель коснулся глубокимъ, мощнымъ, острымъ какъ заостренная сталь своимъ словомъ, широты предметовъ отъ Петербурга до Рима и отъ Лондона до Камчатки, коснулся соотношенія вѣроисповѣданій, отношенія вопросовъ государственныхъ къ церковнымъ, коснулся богословія и философіи и текущей литературы, какъ свѣтской, такъ и особенно духовной, коснулся множества лицъ прошедшаго и тогдашняго царствованій, многихъ очертилъ своимъ, сколько нещаднымъ, столько жъ и творческимъ рѣзцомъ художника ваятеля, и произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе геніальности, такъ что я не только всѣ предметы этой геніальной бесѣды, но даже буквально многія выраженія помню ясно и отчетливо, до сего дне чрезъ 25 лѣтъ;—такъ что и тогда эта бесѣда загля въ моему мозгу многое и до сихъ поръ служить свѣточемъ, освѣтившимъ многое въ жизни. Всѣ, сколько намъ извѣстно, даже изъ частной его бесѣды выносили впечатлѣніе, что онъ твердо усвоилъ себѣ заповѣдь апостола Павла Титу (2, 7) во всемъ подавать въ себѣ образецъ, образецъ добрыхъ дѣлъ, словъ и помысловъ; подавать въ учительствѣ, въ бесѣдѣ, чистоту, степенность, неповрежденность, слово здравое, незазорное, чтобы даже противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худаго. Слово гнило никогда не только изъ его собственныхъ устъ не исходило, но не исходило и изъ другихъ устъ въ его присутствіи; иначе противникъ или неосмотрительный въ ту же минуту бывалъ остановленъ или даже посрамленъ, чему мы знаемъ выдающіеся примѣры. А на иныхъ, т. е. на всѣхъ, кто способенъ былъ понимать еще и эту тонкость, своимъ обращеніемъ онъ производилъ еще впечатлѣніе не только высоко благовоспитаннаго чловѣка, но впечатлѣніе самаго чистокровнаго боярина, самаго прирожденнаго великаго господина, который, безукоризненностію высокаго тона, въ совокупности съ своею

святительскою безупречною сановитостію, превосходилъ самыхъ великихъ господъ своего барственаго времени и поколѣнія, поколѣнія, которое теперь выражается и исчезаетъ, унося съ собою изящныя благородныя преданія высокородныхъ отцовъ и дѣдовъ.

А по возвышенности, глубинѣ, тонкости, всеобъемлющей широтѣ его писаній, не знаю, съ кѣмъ и сравнить его. Конечно, приходится сравнивать его съ самыми высокими изъ церковныхъ дѣятелей. По широтѣ предметовъ, какихъ его перо касалось, онъ почти безпримѣренъ; сравнивать же его въ этомъ отношеніи позволено развѣ съ Аѳанасіемъ и Василиемъ великими и блаженнымъ Августиномъ. По духоносности, по глубинѣ, по тонкости мысли собственно проповѣдническихъ его твореній, дерзаемъ сопоставить его съ тремя вселенскими святителями. Но принимая во вниманіе, что святой Григорій Богословъ, поддаваясь нѣкоторому излишеству современной витіеватости, замѣтно отпечатлѣлъ на своихъ твореніяхъ духъ современнаго ему витійства; а св. Златоустъ часто увлекался естественною текучестью изустной, предварительно неписанной рѣчи, которая потому нечужда нѣкоторыхъ плеоназмовъ и т. п.,—дерзаемъ сравнить нашего высокаго витію, по безпримѣрно законченной обдуманности не только каждой рѣчи, но и каждаго реченія въ ней, съ Василиемъ великимъ, находя однакоже и между ними, въ характерѣ ихъ витійства, ту тонкую разность, что если у Василія великаго его ораторскія творенія, какъ и всѣ писанія, и глубоки, какъ бездна, и въ то же время ясны, какъ прозрачный кристалль, то у нашего безпримѣрнаго витіи его проповѣдническія рѣчи и глубоки какъ бездна и какъ бездна же примрачны, такъ какъ онъ на всякій священно—церковный предметъ, по существу своему священно—таинственный, умѣлъ наложить сродную ему печать именно священно—таинствен-

ственности. Въ этомъ отгнѣкѣ онъ или несравнимъ или же сближается особенно съ святымъ Григоріемъ Богословомъ. Этою чертою глубочайшей священнотайственности въ своихъ твореніяхъ онъ болѣе другихъ напоминаетъ боговидѣнія, на горахъ Синаѣ и Хоривѣ, Моисея и Илии, которые узрѣли тихій кроткій свѣтъ Божества внутри яко бы непроницаемаго страшнаго мрака. Проникни, благочестивый читатель, чрезъ пугающій тебя мракъ Филаретовой рѣчи и узришь въ ея сокровенности мощно горячій, свѣтящій и согрѣвающій твою холодность и мрачность огонь богоговѣдѣнія. Только не отрицайся отъ богоговѣдѣнія и возможнаго для тебя боговидѣнія, какъ Израиль у Синая; не разлѣнивайся умственно, не разсѣвайся, вчитайся въ рѣчь великаго богопроповѣдника: нужно себя настроить на высокій строй его великаго ума и глубокаго сердца, нужно привыкнуть къ его безпримѣрно возвышенной рѣчи, чтобы въ пугающемъ мракѣ ея, по разсѣяніи тумана собственно твоихъ умственныхъ очей, узрѣть свѣтъ великій, крѣпкій и животворный. Почти безпримѣренъ онъ, между всѣми историческими людьми, и въ томъ, что вся жизнь его, отъ ранняго отрочества до глубокой старости, освѣщена его же собственными посланіями, неисчислимыми въ своемъ количествѣ, чѣмъ онъ напоминаетъ развѣ нашего Пушкина. Но для памяти послѣдняго лучше было бы, если бы большая часть его писемъ осталась подъ спудомъ забвенія, тогда какъ весь рядъ безчисленныхъ посланій нашего святителя выдвигаетъ его на недосыгаемую высоту великаго мыслителя, безукоризненнаго мудреца, истиннаго учителя вселенныя, напоминая собою по возвышенному меткому стилю въ язычествѣ развѣ Цицерона, а въ христіанствѣ по стилю и духу того же Василія великаго.

И трудно... нѣтъ, нетрудно сказать, когда великій нашъ святитель сталъ выше, сталъ святитель и учитель

не только російскія, но и вселенскія церкви, до смерти или по смерти. Когда скончалъ онъ все искушеніе земной своей жизни и отошелъ въ горнія обители отечества небеснаго, духъ его въ его писаніяхъ, въ памяти его подвиговъ и всего священнолѣпнаго лика его, возвратился опять на землю *въ силъ духовный и вѣсть изыде о немъ по всей земль,* нынѣ болѣе, шире и глубже, чѣмъ при жизни его. *И той учитъ насъ на сонмищахъ нашихъ, славимъ вѣми,* отъ Москвы до Іерусалима. Посмотрите, какъ теперь всѣ спѣшатъ вырыть изъ мрака каждую строку, вышедшую изъ подъ остраго пера великаго святителя, и находятъ всегда дѣйствительно перлъ безцѣнный. Посмотрите, какъ назидательная память и слава его проникла отъ дворцовъ и до хижинъ широкой русской земли. Конечно, всякій почитатель троице-сергіевой лавры поклонился гробу его. Мы собственными очами видѣли святолѣпный ликъ его подъ образами въ простыхъ хижинахъ нашей далекой окраины, и въ божницѣ вмѣстѣ со св. образами даже у свѣтскихъ, даже военныхъ, даже повидимому негорячихъ къ вѣрѣ и церкви людей.

Странно однакоже, что свѣтскія ученія учрежденія совершенно устранились почтить, въ столѣтній юбилей, память великаго святителя, величайшаго для всѣхъ время мыслителя, который вознесъ русскую мысль и русское слово на высоту, на какой онъ до него не стояли, да и послѣ него стоять не будутъ, который въ своихъ твореніяхъ создалъ себѣ памятникъ дѣйствительно не только нерукотворенный и вѣчный, но и святой и безупречный. Съ своей стороны мы духовные такое живое участіе приняли въ столѣтнемъ поминовеніи Ломоносова, Карамзина, даже Пушкина. А что такое они сравнительно съ Филаретомъ? Ломоносовъ своею прозою сдѣлалъ только пробу русской учености, а стихами пробу рус-

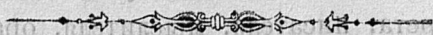
скаго стихотворства. Все это забылось, а для потомства и совсѣмъ забудется; останется одно только славное имя перваго труженика русскаго слова, русской мысли и науки. Карамзинъ дѣйствительно оставилъ капитальный, вѣрный духу древности и народа, памятникъ исторіи; но мысль его, сравнительно съ мыслью Филарета, витала въ низменныхъ сферахъ. Пушкинъ, по изяществу языка и жизненности поэзіи, переживетъ вѣка; но по содержанію, по духу и направленію, опъ собственными руками въ своихъ твореніяхъ, особенно же первыхъ годовъ творчества, создалъ себѣ вѣчный, правда, но и нелестный памятникъ того, что по необузданной страстности и огромному легкомыслію, часто даже только ради красиваго слова, онъ силился, сколько было въ его силахъ, разрушить религіозный, нравственный и государственный строй своего времени въ своемъ отечествѣ. Въ эту же самую пору свѣтскіе горячо принялись готовить юбилейное празднованіе Жуковскаго, — помоги Боже добродѣлю! — Жуковскаго, прекраснаго человѣка и мыслителя, но писателя, но поэта, котораго сами же они относятъ ко второму разряду, никакъ не равняя съ Пушкинымъ. А какъ сопоставить его съ истинно первокласснымъ, всеобъемлющимъ умомъ Филарета! Взять уже хотя одну ту, очень цѣнную свѣтскими разность, что Пушкинъ и Жуковскій не твердо знали даже русское правописаніе и учились писать, учась русской грамматикѣ; а Филаретъ вѣдь былъ языковѣдъ и филологъ! Онъ зналъ, не только что гдѣ пишется, но и почему такъ пишется; да и вообще былъ огромная сокровищница всяческаго знанія, что и свѣтской интеллигенціи очень хорошо извѣстно. Что же значить, что свѣтскіе ученые такъ отчуждились отъ Филарета, писателя, мыслителя, оратора самаго первостепеннаго, который при жизни былъ имъ и не чужой, былъ наипочтнѣйшій членъ всѣхъ высшихъ уче-

ныхъ обществъ? А то значить, что онъ училъ и учитъ, какъ учитель богомудрый, мудрости божественной. Потому онъ и чужой для современной интеллигенціи, которая вся повально обращается въ язычество.

За то, какъ погасло дневное свѣтило, зажужжали жалкія черныя насѣкомыя, которыя, днемъ не вынося солнечнаго свѣта, прячуть свою черноту во мракъ нечистоты, а летаютъ и затягиваютъ свою досадную пѣсню только ночью, ища сродную себѣ стихію въ томъ же мракѣ нечистоты; неблагодарные и неразумные, забывая, что летаютъ и жужжать, согрѣваясь теплотою закатившагося свѣтила, блестя или лоснясь и днемъ отблескомъ его же свѣта; напоминая Хама, или сына Хамова Ханаана, о которомъ праотець Ной изрекъ: *проклятъ Ханаанъ отрокъ! Рабъ будетъ братіямъ своимъ!* служа темнымъ орудіемъ того мрачнаго духа, иже нарицается *діаволь переметчикъ, ренегатъ, и сатана—противникъ, лъстѣй вселенную всю, клеветникъ братіи нашея, оклеветыяй насъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь* (Апок. 12, 9—10).

Братіе! Уже читали и сію мивуту снова будемъ повторять молитву: Боже духовъ и всякія плоти, смерть поправый и діавола упразднивый! Самъ, Господи, упокой душу усопшаго раба твоего и всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ, прости. Яко нѣсть человѣкъ, иже поживеть и не согрѣшитъ. Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда твоя—правда во вѣки и слово твое истина.

Святителю отче Филарете! Мы грѣшные молимся за тебя здѣсь. Моли Бога о насъ тамъ. Аминь.

КАТАЛОГЪ КНИГАМЪ,

ПРОДАЮЩИМСЯ

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

ОТДѢЛЪ II.

(Продолженіе *)

Чинь Литургіи. См. Литургія, №№ 144—149.

219. Чинь освященія храма, отъ Архіерея творимаго, Ц. П. въ 4. д. съ кин. на бѣл.
 бум. въ пер. кож. — 75 2
 кор. — 55 2
 бум. — 40 1

220. Чинь на умовленіе ногъ въ великій четвертокъ, Ц. П. въ 4 д. съ кин на сѣр. бум.
 въ пер. бум. — 20 1

221. Чинь (Послѣдованіе) о исповѣданіи, Ц. П. въ 8 д. съ кин. на сѣр. бум. М. 1862 г. въ пер. бум. — 25 1

222. Чинь исповѣданія отрокомъ, Ц. П. въ 8 д. съ кин. на сѣр. бум въ пер. бум. — 10 1

223. Чинь поминовенія о православныхъ воинахъ и о всѣхъ, за вѣру и отечество на брани убиенныхъ, Ц. П. въ 12 д. на сѣр. бум. М. 1873 г. въ бумаж. — 5 1

224. Чинь, бываемый во явленіе истины между двумя человѣками тяжущимися, Ц. П. въ 4 д. съ кин. на бѣл. бум. М. 1864 г. въ пер. бум. — 10 1

225. Чинь священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемыхъ въ большомъ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ, Ц. П. въ 4 д. съ кин. на бѣл.

(*) См. Уфим. Епарх. Вѣдом. 1882 г. №№ 20—24 и 1883 г. № № 1—3.

ОТДѢЛЪ П. Р. К. Ф.

бум. въ пер. кож. — 80 2

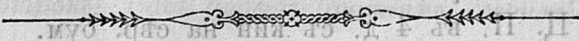
кор — 60 2

бум. — 45 2

Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось священнѣйшее коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, по церковному чиноположенію. М. 1856 г.

226. Ц. П. въ 8 д. на сѣр. бум. въ пер. бум. — 30 1

227. Г. П. въ 8 д. на сѣр. бум. въ пер. бум. — 30 1

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ официальный.—Высочайшій Манифестъ.—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Отдѣлъ неофициальный.—Поученіе Пресвященнаго Николора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.—Каталогъ книгъ, продающимся въ সিнопдальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Редакторъ, смотритель духовнаго училища Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 15 февраля 1883 г.

Цензоръ Каеедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.

П. П. М. 1881 г.

М. М. 1864 г.

1 01 — бум. въ пер.

Уфимскій Епископъ Николай Николаевичъ.

Уфимскій Епископъ Николай Николаевичъ.

Уфимскій Епископъ Николай Николаевичъ.